

Лариса и Олег Зарицкие

И Я ПОЗАВИДОВАЛ ИМ

**Иногда бывают ситуации,
когда человек может позавидовать мёртвым....**

Тогда была середина января.
Мороз крепчал, а к ночи и метель задула, засвистела.
Ледяной ветер бросал в лицо острый снег, обжигая глаза.
Их невозможно было открыть.
Но нужно идти, поэтому часто протираю глаза перчаткой и продолжаю шагать, наклонив голову вперёд, чтобы хоть немного спрятать лицо. Но ветер дует со всех сторон. От него не спрятаться.

В темноте, из-за плотного снега дороги почти не видно, поэтому приходится ориентироваться по сугробам, что бы не сбиться и не пропустить нужный поворот. Через полчаса нужно быть на корабле, а прошёл только половину пути. Снега очень много и ноги постоянно проваливаются. Уже набрал полные ботинки. Но от быстрой ходьбы холода совсем не чувствую.

Наконец прошёл КПП. Вдоль пирсов идти немного легче, потому что светло от корабельных прожекторов и сильный ветер с моря сносит весь снег к сопкам. Но дует так, что сносит и меня. Приходится наклоняться ещё больше в сторону ветра и почти бежать, когда порывы ослабевают..

Свет фонарей выхватывает из темноты куски чёрных сигарообразных корпусов подводных лодок, залепленных с одной стороны снегом.

Моя лодка самая последняя, у девятого пирса.
Вот и трап.

У трапа стоит матрос с автоматом. Он в тулупе, с поднятым воротником. Закутался и стоит спиной к ветру. Не понятно кто это, но он узнаёт меня.

- Здравия желаю, товарищ мичман. Опаздываете, - поприветствовал он меня. По голосу узнаю Краснова, из команды трюмных.
- Здорово, Николай. Еле дошёл! Метёт страшно, - пожаловался ему.
- Вас можно поздравить?
- Да мальчик! Три четыреста. Думал не дождусь.
- Поздравляю! Мальчик это хорошо, - Краснов крепко пожал мне руку.
- Спасибо.
- Как назвали?
- Максимкой. Ладно, Николай, пойду я, а то там мой начхим уже наверное поседел весь.
- Да, выходил курить. Сказал, что если уйдём без вас – расстреляет, - засмеялся матрос.

Бегом по трапу поднялся на палубу лодки и зашёл в рубку. Шинель и шапка были забиты снегом. Кое как струсив его с одежды и обуви, спустился вниз, в корпус лодки.

Внутри светло, приятно тепло и привычно шумно от равномерного гула приборов. По дороге до каюты никого не встретил. Видимо все уже давно были на своих постах и готовились к отходу. Нашей лодке предстояло через два часа выйти в море и заступить на боевое дежурство.

Переоделся и пошёл на свой пост в рубку дозиметристов.

Начхим с Палычем меня тоже искренне поздравили с рождением сына.

- По местам стоять! Со швартовых сниматься! - прозвучала команда командира по корабельной трансляции.

Через несколько минут мы отошли от пирса....

Второй месяц в море. Боевое дежурство.

Бороздим просторы мирового океана, чтобы в случае ракетной угрозы вероятного противника, мгновенно подбросить ему на орехи наших баллистических «гранитов», которые стоят себе по обоим бортам в шахтах и мирно ждут своего часа.

Наш АПРК (Атомный Подводный Ракетный Крейсер) практически новый. Год как с завода. Поэтому всё работает как часы. Экипаж сработанный, благодаря командиру и старпому. Поганили нас на учебных выходах, поэтому, если что, каждый знает, «как бежать и куда ему там делать» - как говорит наш старпом.

Режим «четыре через восемь» уже впился в кровь.

Это когда четыре часа вахта, а восемь часов отдых, если нет приборки или

других «развлечений» корабельной жизни. Поэтому, в море, понятия ночь или день просто не существует и после вахты засыпаешь сразу или не засыпаешь вообще.

Не всплывали уже суток восемь.
Только под перископ для связи. Хорошо, что я не курю.
В тот день только пообедал и заступил на вахту в своём восьмом отсеке.
По корабельной трансляции объявили готовность номер два.
Это когда всё нормально и на боевых постах в отсеках только вахта, следит за работой приборов.

Мой отсек кормовой.
Обошёл все палубы, проверил матчасть.
Убедился - всё работает в штатном режиме.
Доложил в Центральный пост, что вахту принял. Сделал запись в журнал.
Впереди четыре часа дежурства.
Никаких заданий от командира отсека не было, поэтому я зашкерился за генератором. Там у меня фуфаечка на пайоле припрятана и сухари.
Тепло, светло и даже уютно. А если проверка, так я типа осмотр отсека делаю.

Люблю в своей «норке» почитать хорошую литературу.
В море только это и спасает. Потому, что все фильмы пересмотрели ещё в первую неделю. Теперь их уже просматривают в сотый раз, когда уже сам можешь всех героев озвучивать.

Вот и сейчас, переборку задраил.
Только примостился и открыл книгу на нужной странице ...
Как БА-БАХ - нет!

Так грохнуло и трусоную весь корпус лодки, что я видимо ударился о грёбёнку клапанов головой и потерял сознание.

Сколько был в отключке не знаю.
Очнулся. В отсеке полная тишина. Аж в ушах звенит.
Не работает ни вентиляция ни турбина. Остальные приборы тоже молчат.
Только аварийный свет горит.
Очень сильный дифферент на нос. Корпус лодки так сильно наклонился в сторону носовых отсеков, что даже трудно ходить. Приходится держаться за приборы. Это очень плохой знак.
Почему рулевой не выравнивает лодку? Или мы так резко погружаемся?
Посмотрел на часы – 14.34.
Значит я был без сознания минут пять.
На голове огромная шишка, но крови нет.
Странно почему нет сигнала тревоги?

Почему никто не бежит в отсек?

Где народ?

Ведь по любой тревоге или нештатной ситуации все должны моментально прибыть в свои отсеки и занять места по штатному расписанию. Беру микрофон переговорного устройства «каштан» и жму на кнопку «Центральный пост».

- Центральный, восьмому на связь! - а в ответ полное молчание.

- Центральный, восьмому на связь! - опять тишина.

Что за чёрт! - думаю. – Как такое может быть?

Судорожно начинаю тыкать на все кнопки отсеков.

- Ответьте восьмому! - уже кричу в микрофон. - МУЖИКИ!

Никто не отвечает.

В голове разные мысли: Хорошо если это просто проблемы со связью. А если нет? Даже не хочу думать о плохом!

Кручу ручку аварийного телефона. Он как на Авроре – неубиваемый. Работает, когда крутишь ручку и тем самым запитываешь его.

Ответили мне только из седьмого.

- Седьмой отсек. Матрос Краснов слушает.

- Краснов? ... Николай, - обрадовался ему как родному. - Что там случилось? Где все?

- Сам не знаю! В центральном молчат. Моего каплея до сих пор нет, - он выругался матом. - Может мне сходить, узнать, что там?

- Ни в коем случае! - заорал я в трубку. - Отсек покидать нельзя ни при каких обстоятельствах. Будем сидеть и ждать.

- Понял. Сидеть и ждать, - мрачно согласился Краснов. - А как думаете, что это может быть?

- На подводную скалу не похоже. Мне показалось, что сильный взрыв был. Может на мину напоролись. Судя по дифференту, в носовых отсеках вода.

- На какую мину?

- Откуда я знаю? Может на современную, а может с войны плавала и нас дождалась.

- А может это торпеда у нас рванула? Ну, как на «Комсомольце»?

- Во первых не на «Комсомольце», а на «Курске». А во вторых вряд ли. После той аварии все торпеды такого типа сняли с вооружения, - заверил я его.

- И чё теперь делать? - матрос опять задал риторический вопрос.

- Коля, я сам ничего не знаю. Понимаю только, что нам положено сидеть в своих отсеках и следить за обстановкой. Значит будем сидеть и ждать.

- Понял. Если что, звоните.

- Давай, не дрейфь, прорвёмся, - попытался подбодрить его я, хотя сам был в полной растерянности.

В голове теперь уже были только плохие мысли.

Куда все делись?

На лодке девяносто человек! Где все?

Что там произошло?

Сердце колотится как маятник, аж в ушах долбит.

Спокойно. Без паники, - успокаиваю сам себя. - Что я должен делать по штатному расписанию в случае тревоги?

В этот момент опять сильно трухануло.

Сильно но уже без взрыва. Скрежет металла был ужасный.

Еле устоял на ногах.

Погас свет.

В полной темноте нащупал аварийный фонарь. Включил.

Теперь дифферента почти не было. Только небольшой крен на правый борт.

Понял, что это лодка ударилась об грунт. Значит ей никто не управляет!

Полный п _ _ _ ц!!!!

Зазвонил аварийный телефон.

- Товарищ мичман, что это было? - кричал в трубку Краснов.

- Это Коля ж _ _ а! - как можно спокойнее сказал я. Мы на грунт упали.

- И что?

- Не хочу тебя расстраивать, но по ходу мы с тобой одни остались.

- Как одни? - не понял он. - А где наши? Где командир?

- Командир, Коля с остальными и нам они уже не помогут, так же как и мы им.

А мы с тобой ещё живы, потому, что переборки наших отсеков были задраены.

Прав был старпом, когда орал на всех за открытые переборки в море. Ох как же он был прав...

Краснов задумался.

- Разрешите я к вам приду, - спросил он упавшим голосом.

- Нет, - отрезал я. - Ты же знаешь, что отсек покидать нельзя ни при каких обстоятельствах. Следи за обстановкой. Осмотрись. Фонарь нашёл?

- Нашёл.

- Как давление?

- Нормальное.

- Что увидишь, или услышишь, сразу звони.

- Понял, - тихо сказал он и отключился.

Вроде бы немного пришёл в себя. Начинаю осознавать всю «перспективу»
 Мысли просто чёрные.
 Глубиномер показывает 130 метров. Это приговор.
 Через кормовой люк не выйти.
 По буйрепу можно подняться только до 100 метров и то это в теории. На практике мы этого никогда не делали.
 Нашёл свою «ИДА -шку». «ПДУ-шка» висела на животе. Это такие дыхательные устройства с запасом воздуха на случай пожара.
 На час воздух есть.
 Принёс «ИДА-шку» командира отсека. Это ещё сорок минут воздуха.
 В мозгу одна мысль – Неужели всё?

Температура в отсеке резко падает.
 Уже 7 градусов и продолжает падать. Дрожу.
 Одел фуфайку, а сверху натянул гидрокомбинезон. Он безразмерный.
 Немного согрелся.
 Вдруг запахло горелым. Осмотрелся.
 Странный цвет у переборки седьмого – тёмно багровый.
 Подошёл. Пыхнуло жаром. Плюнул – аж зашипело!
 Там же Коля! - обожгла мысль.
 Кинулся к телефону.
 Хотя было понятно, что Коли уже нет. При такой температуре не выживают.
 Почему он не сообщил о пожаре?
 Значит не успел. Видимо сразу потерял сознание.

Я знал что так бывает, но не верил в это.
 Сжал голову руками, проклиная себя, что не пустил пацана к себе. Хотя потом понял, что это всего лишь оттяжка и моё время уже тоже на исходе.
 В мозгу сверлила одна мысль - Почему пожар в седьмом!
 Там всё выгорело нахрен, раз перегородка так раскалилась.
 Теперь в отсеке стало жарко как в парилке.
 Снял с себя всё до трусов. Всё равно пот течёт.
 Почему-то подумал – за прочным корпусом сто метров воды, а внутри пожар и потушить его никак нельзя. ПАРАДОКС!
 Но мне было не смешно!

Дышать стало совсем трудно.
 Стараюсь дышать сколько смогу из отсека.

В ПДУ не включаюсь. Хочу сэкономить последний воздух.

Погас аварийный фонарь, видимо его батарея совсем здохла.

Вспомнил, что под аварийным люком есть ещё один фонарь.
Нашёл его. Включил.

Вырвал листок из книги. Сзади, который без текста.
Хочу написать записку, а не могу.

В голове какая-то белиберда. Словесная каша, типа - умираю с твоим именем на губах. Понимаю, что это всё пустые слова.

Решил написать всё как было, свои действия с указанием примерного времени.

Пишу, как погиб матрос Краснов.

Если найдут, может кому поможет потом выжить.

Начинаю задыхаться.
Включаюсь в ПДУ. Это на десять минут воздуха.
Дописал.
Внизу всё равно написал что всех люблю.
Попросил жену Марину беречь Максимку.
Жаль, что не увижу, как он вырастет.
Попрощался с ними на бумаге и мысленно.
Подписал – мичман Киреев К-132
Почувствовал, что становится совсем трудно дышать.
Выплюнул загубник ПДУ.

Включился в ИДА.
Это ещё на сорок пять минут воздуха в покое.
Потух фонарь.
В темноте завидую своим, кого уже нет.
Они ушли мгновенно. Наверное, даже ничего не почувствовали
Зачем мы погибли?
За кого?
Почему?

Страшно.
Ловлю себя на мысли - понимание того, что ЭТО уже совсем рядом, начинает вызывать интерес. Есть там что-то за чертой жизни или нет?
В полной темноте время совсем не ощущается. Оно как бы расплывается.
Чтобы вовремя переключиться, считаю минуты вслух.
Загибаю пальцы, чтобы не сбиться.

Примерно на сорок пятой минуте переключаюсь в последний ИДА.

Ещё Сорок минут жизни.

В темноте.

В одиночестве.

Вспоминаю как познакомился с женой.

Рождение сына.

Отца и маму. Они уже старенькие совсем. Тяжело им будет....

Никакая жизнь перед глазами не проходит.

Опять холодно. Видимо там всё уже выгорело.

Воздуха не хватает.

На вдохе вижу свет.....

Посвящается всем, кто не вернулся с боевой службы.

Мораль рассказа очень проста:

Служба на подводных лодках в отличие от надводных кораблей и службы в других родах войск, где риска для жизни тоже всегда хватало, отличается лишь тем, что здесь можно умереть мгновенно, ну или очень быстро, хотя ещё минуту назад всё было нормально. И в большинстве случаев, если в отсеке случается пожар, то итог для людей как правило один, за редким исключением. Потому, что смертельная загазованность в замкнутом объёме отсека возникает практически мгновенно, а покинуть его нельзя, чтобы не погубить остальных. Этакое одноразовые моряки до первого несчастного случая.

К этой мысли конечно привыкаешь как и ко всему остальному в этой жизни.